

ТРИ СУДЬБЫ

Народная память сохранила в веках и донесла до наших дней легенду о светлой, как родник, любви Кыз-Жибек и Толегена. Эта чистая, возвышенная любовь обрывается злодейским убийством Толегена. Он убит соперником, а без Толегена нет счастья, нет жизни и для Кыз-Жибек...

В далеких казахских аулах, затерянных в бескрайних ковыльных степях, на высоких горных пастбищах, окаймленных снеговыми вершинами Ала-Тау, на прибрежных лугах сурового Иртыша эту легенду знали наизусть старики и молодежь. Любимую песню Кыз-Жибек пели старые жирши под аккомпанемент своей неразлучной домбры, звонким голосом затягивали ее девушки.

Песню эту много раз слышала и маленькая Куляш. Ее мастерски исполнял отец, старый Жаныс. Недаром Жаныса, хорошо сапожника, пенили не столько за умение шить красивые чиги, сколько за неисчерпаемое обилие песен, которыми он, не скупясь, развлекал каждого, кто хотел его послушать.

Куляш восхищалась красотой Кыз-Жибек. Она старалась представить себя в ее образе. Вот она одета в парчевое платье, на голове у нее бархатная шапочка, отороченная бобром, на ногах цветные сапожки. В косах позвякивают серебряные чулны, их звону вторят длинные сережки. Она идет навстречу своему Толегену, она приближается к нему мелкими шажками, и при каждом шаге острые носочки сапожков выступают из-под оборки платья. Она держит голову вот так и делает еще один шаг, и вдруг... нестерпимая боль поднимается от ступни к колену. Прекрасная Кыз-Жибек исчезает. На голой площадке двора остается маленькая босоногая девочка. Из ноги сочится кровь. И кто только разбросал здесь осколки шалы!..

* * *

Куляш была тогда маленькой девочкой, стоящей у порога жизни, Дина уже несла на своих плечах груз шестидесятилетия, а Шекер, молодая женщина, едва вступив в жизнь, была твердо уверена, что жизнь ее определилась и никогда не изменится.

Каждая из них ничем не походила на другую. А между тем все трое таили одно общее, которое делало их удивительно схожими. И это общее — судьба женщины-казашки: короткое девичество, упылое, как опаленная солнцем степь, замужество и безотрадная старость.

Великий Октябрь открыл новые пути каждой из них. Казахки перестали быть объектом купли-продажи, получили права человека, стали участниками новой жизни.

Маленькая Куляш пошла в школу: Здесь перед сотнями казахских девочек и мальчиков засветился путь, ведущий к неведомому до сих пор счастью.

Прошло немного лет, и осуществилась заветная мечта Куляш. В Советском Казахстане открылся национальный театр. Куляш стала артисткой. Она играет в нем роль Кыз-Жибек. За чудесный голос ее прозвали соловьем Казахстана. Вместе с лучшими представителями казахского искусства Куляш Байсептова побывала в Москве. Она награждена орденом Трудового Красного Знамени и получила высокое звание народной артистки СССР. Казахский народ оказал своей любимой дочери высокое доверие и избрал ее депутатом Верховного Совета республики.

Далеко позади осталась темная, беспросветная жизнь и для Дины. Она стала неперменным участником народных празднеств. Ее слушают тысячи людей. Ее домбра рассказывает о былом, о недавней темноте и забитости казашки и о великом свете, озарившем жизнь.

Память, зрение и слух не изменили Дине. Стоит ей взять в руки домбру, как она вся преобразается — выпрямляется стая, молодеет взгляд. Пальцы, скрюченные старостью, приобретают гибкость юности.

Люди восторгаются виртуозностью Дины Пурпенсовой — заслуженного деятеля искусств Казахской ССР, — когда она извлекает из своей домбры чудесные звуки. Гневно рокочут струны, рассказывая о восстании казахского народа против царских притеснений. Материнскую нежность и звонкую радость несут они в кюях, посвященных мудрому Ленину. Много кюев, самых любимых, самых проникновенных, содала Дина о великом Сталине.

Никогда еще ее домбра не была такой полнопозвучной, как сейчас.

— Мне почти восемьдесят лет, — говорит она, — но я могу уверенно сказать, что не иссяк во мне родник песни, волной прилило ко мне новые силы для новых песен о наших людях, о моей обновленной стране.

* * *